

Кропотова Н.В.

УДК 82-343.09(=512.143(477.75))

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ В ДЕСТАНАХ И НАРОДНЫХ СКАЗКАХ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ

Вопрос малоизученности культурного и в частности фольклорного наследия одного из автохтонных народов полуострова – крымских караимов – проявляется и привлекает к себе внимание при любой попытке проведения сравнительного анализа творческих достижений близких, родственных крымским караимам, а также далеких культур. Привлечение для сопоставительных анализов материалов фольклора и литературы крымских караимов часто затруднено, ввиду труднодоступности источников [2]. Однако в последние годы Всеукраинская Ассоциация крымских караимов «Къырымкъарайлар» делает все возможное, для публикации трудов по культурному наследию народа, результатом чего явились десятки книг [12]. Тем не менее, работ, определяющих основные особенности фольклорных произведений крымских караимов, нет.

Если говорить об общих особенностях поэтики народных сказок крымских караимов, необходимо учитывать полный состав элементов сказки, который выражается в сохранности таких частей, как присказка, зачин, концовка, традиционные завязки, кульминации и развязки, наборы мотивов, образов. Национальный же характер сказок крымских караимов определяется комплексом признаков: особенности идейного содержания, художественные средства, используемые при описании героев, вариативность сюжетов и мотивов, бытовые подробности, включенность в повествование сказки бытовых и социальных контекстов, исторической действительности.

Караимские народные сказки имеют довольно много общих и сходных черт с фольклорными образцами других тюркских народов. Достаточно трудно определить яркие отличительные особенности караимских сказок в рамках данной статьи подобными образцами родственных народов, так как большинство произведений отражают общие тюркские культурно-повествовательные традиции. Однако и данное положение может выступать как определение особенности поэтики народных сказок крымских караимов.

В общем, караимская сказка, благодаря письменной традиции ведения междума¹, сохранила в себе черты архаического, мифо-поэтического бытования текстов. Это выражается в традиционных рифмованных и ритмичных присказках, зачинах и концовках. Кроме того, опираясь на научные исследования В.Я. Проппа, можно сказать, что композиции всех волшебных сказок крымских караимов так или иначе связаны с особой последовательностью изложения событий обряда инициации или же представлений о смерти [14, с. 309]. Главный герой либо отправляется из дома, чтобы добыть волшебное средство, либо за красавицей. В поздних по времени сказочных образцах набор элементов сокращается, подчиняясь исторической действительности, однако определенные мотивы сохранились. Чаще всего это мотивы получения волшебного средства или встречи с волшебным помощником.

Бытовые и сатирические сказки в своих повествованиях содержат наиболее яркие черты народной жизни. В них находят место и отражение социальных условий жизни, межэтнической толерантности, мудрость поколений и чувства юмора.

Образы и проблемы, описываемые бытовой караимской сказкой близки каждому народу, однако некоторые нюансы привносимые будто отступлениями составителя, народными афоризмами, либо описанием некоторых традиционных норм поведения, а также указание на типично крымские топонимы создают особый колорит, присутствовавший в жизни крымских караимов. Говоря о фольклорных образцах крымских караимов, необходимо отметить, что большинство рассматриваемых произведений взяты из семейных сборников междума, большая часть которых была составлена с конца XVIII до начала XX в. Записи в междума велись древнееврейским алфавитом, но на караимском языке, принадлежащему к тюркской группе языков. Следует учитывать тот факт, что древнееврейский алфавит как алфавит святой книги для караимов – Ветхого Завета был понятен лишь людям (мужчинам), получившим образование в религиозных школах. Соответственно уместно допускать факт наличия в фольклорных по сути текстах авторских отступлений, или точнее будет определить как отступлений составителя сборника. Подтверждение этому есть в самих текстах междума. Так например, в тексте дестана Ашик Карип из междума Кыджи, в самом конце повествования есть строки: *«упало с неба три яблока: одно –*

¹ Междума – рукописные семейные сборники крымских караимов, представляющие собой толстые тетради и содержащие в себе богатый фольклорный материал, а также информацию о семье, исторические факты и др.

*записывающему, другое – читающему, а третье – слушающему*² Далее указано и имя записавшего дестан – Барух Менгуби [17, с. 124].

Исследователь караимского языка, тюрколог-лингвист – К.Мусаев, разделяя варианты караимского языка по сферам бытования, язык караимских меджума относит к литературному (в противовес книжному – языку переводов Библии и разговорному) [11]. Литературный язык крымских караимов представляет собой синтез караимского, крымско-татарского и турецкого языков, последние два из которых оказывали достаточно большое влияние на фольклорные и литературные традиции повествования крымских караимов. К сожалению, тема степени изменения фольклорных текстов крымских караимов под влиянием сильных литературных традиций Крымского Ханства и Османского государства в научных исследованиях не затрагивается. Однако при изучении народных произведений крымских караимов упускать данные факты из вида не стоит и следует отмечать возможность трансформации фольклорных текстов.

Принимая во внимание научные разработки ленинградской исследовательницы Л.Ю. Брауде, сказки, записанные в караимских меджума можно определить термином «фольклористичные». Для таких сказок, вследствие записи ее, характерна некоторая степень литературной авторской или редакторской обработки с целью сглаживания стилистических неровностей. В сознании современного читателя фольклористическая сказка и вовсе отождествляется с фольклорной [1, с. 227-234].

На данном этапе исследований можем с уверенностью утверждать, что язык сказок из меджума при записи действительно шлифовался, так как не представляет собой разговорный караимский язык, а является литературным османизированным вариантом тюркского языка, бытовавшего во времена записи сборников в Крыму.

Тем не менее, сказки, записанные в сборниках, сохранили основные жанрообразующие элементы, такие как неопределенность художественного времени и пространства, противопоставление «своего» и «чужого» миров, строгое закрепление функций персонажей, четкий нравственный императив и разграничение «плохих» и «хороших» героев, а также традиционные сказочные сюжеты и мотивы. Все эти особенности характерны для текстов, которые составляют «ядро» жанра как фольклорной, так и фольклористической сказки.

В повествовании бытовых сказок, по сравнению с волшебными и сказками о животных, наиболее ярко проявляются особенности общественных, семейных отношений и культурной среды народа. Главными героями в таких образцах выступают обычные люди, которые сталкиваются с теми или иными социальными проблемами. Для более правильного и полного понимания некоторых смыслов и элементов подобных сказок, важно учитывать специфику культуры крымских караимов.

Так в бытовых сказках крымских караимов зачастую показано мирное отношение к представителям власти. В таких сказках, как: «İbrahim raşanî masalı (Сказка об Ибрагиме Паше)», «Paşalı ilen Yahudiniñ masalı (Сказка об уважаемом человеке и еврее)», «Yahudi temsili (сказка о еврее)», «Uslu qarınıñ masalı (Сказка о мудрой женщине)» [15, с. 323-371] главные герои беспрекословно повинуются приказаниям находящихся у власти пашей и визирей. Воля правителей выражается в справедливых и мудрых советах, порицаниях негативных действиях и приказаниях. Подобные действия не выглядят жестокими и диктаторскими.

Обращаясь к истории, можно отметить, что крымские караимы всегда были включены в социально-политические условия, складывающиеся в Крыму. В Крымском Ханстве караимы сохранили внутреннее самоуправление и рассматривались как политическая единица. Начиная с первого хана Хаджи Гирея, границы караимского города-крепости были закреплены в охранных ярлыках правителей [5, с. 43]. Таким образом, крымские караимы мирно сосуществовали и находились в активных взаимных контактах с другими братскими автохтонными народами Крыма, а также представителями других тюркских государств, в частности с Турцией. Судя по тому, что в сказках не обнаруживается негативных характеристик правителей, можно сделать вывод, что политические условия жизни были вполне благоприятными для крымских караимов.

Отличается в сказках отношение к представителям исполнительной власти. В сказке «О подлом человеке» косвенно выражается к ним недоверие: В повествовании речь идет о подлом человеке, который сговорившись с военными (zabitler – военные, офицеры), следящими в городе за порядком, держал в страхе всех жителей города. Эти военные, по наводке подлого человека, задерживали людей без особых причин и требовали денег за освобождение.

Примечательно, что помимо традиционных для восточных, мусульманских стран названий титулов таких как: хан, везир, падишах, паша, бек, в дестане «Караджаоглан и Исмикан Султан» [15, с. 297-323] появляется герой-соперник – «приказчик (prikazçik)». Само наличие заимствованного из русского языка и так свободно употребляемого в повествовании этого слова³ указывает на контакты крымских караимов с представителями русского народа. И, судя по характеру слова, данные контакты не ограничивались лишь культурными взаимодействиями. Скорее всего в дестане опосредованно отразился период истории караимского народа после присоединения Крыма к России, т.е. конец XVIII начало XIX в. Именно тогда большая часть караимов, после переезда из Джуфт Кале, оседает в городах Крыма, в частности в

² Перевод с караимского Н. В. Кропотовой.

³ Приказчик – 1. Наемный служащий в торговом заведении, продавец. 2. Управляющий именем помещика [Ожегов, 2009. - С. 479].

Евпатории, где активно вовлекается в общественную городскую жизнь [4, с. 6-9]. Большое количество крымских караимов в этот период заслужили себе славу талантливых купцов, видных государственных, политических и общественных деятелей.

Помимо общей исторической действительности в сказках находят отражение и конкретные культурные явления. Так, в сказке «Об АшикеОмере» [15, с. 349-350] и дестане об «АшикеКарипе» [15, с. 241-197] упоминается имя одного из самых ярких и известных представителей тюркоязычной «поэзии саза»⁴.

В сказочном образце «Об АшикеОмере» указывается, что известный поэт прибывает в Стамбул. Двое молодых людей спешат найти с ним встречи, и они также отправляются в Стамбул, чтобы задать ему очень важный вопрос, на который ответить сможет только он. Здесь наше внимание привлекает тот факт, что персона АшикаОмера наделена качествами достаточно авторитетного, знающего, умного человека.

В дестане об «АшикеКарипе» имя АшикаОмера упоминается, когда речь идет о поэтах-ашиках. На праздновании рождения ребенка падишаха свои стихи в сопровождении музыки саза читали 40 известных поэтов. В повествовании подмечается, что эти поэты ни одну из народных песен хорошо спеть не могли, кроме того, они пугали песни АшикаОмера и АшикаКарипа.

Скорее всего, здесь мы имеем дело с включением в повествование реплик более поздних, нежели сам текст повествования. Известно, что в крымскокараимской, как и в крымскотатарской среде сказания и песни АшикаОмера были очень популярны. Не меньшей любовью пользовались и поэтические отрывки из дестана «АшикКарип». Однако маловероятно, что в первоначальном варианте текста дестана об АшикеКарипе имелись строки о самом дестане (его частях) и правильности его исполнения. Такие включения отражают своеобразные литературные пристрастия народа. Неслучайно в караимском междума, опубликованном В.Радловым в разделе народных песен содержится 23 стихотворных образца с заглавием – АшикОмер [15].

АшикОмер (1621 – 1707) родился и умер в Гезлеве (ныне Евпатория). Предположительно он принадлежал к так называемым «янычарским ашикам», т.е. поэтам певцам, сопровождавшим османские войска в различных походах и сражениях. За свою жизнь поэт побывал во многих областях большой некогда Османской империи. В его стихотворениях можно встретить названия местностей Турции, Болгарии, Румынии, Боснии, Греции, а также Украины и Польши [3, с. 81]. Многие из пожилых крымских татар, крымчаков и крымских караимов вспоминают, что, будучи детьми, имя АшикаОмера часто слышалось на праздниках и свадьбах. Песни АшикаОмера были неотъемлемой частью торжеств [7, с. 109].

Отражением типично караимской культуры можно считать упоминание в сказках названий блюд национальной кухни караев: хамурдолма (ушки, маленькие пельмени в мясном бульоне), баклааш (фасолевый суп), йазма (напиток из катыка, с добавлением воды и специй).

В изложении бытовых сказок, помимо авторских, сторонних характеристик событий или людей часто присутствуют народные афоризмы, посредством которых можно понять особенности мировоззрения народа.

Так, в сказке «*Naşarı adamnıñ masalı* (Сказка о подлом человеке)» [15, с. 347-349] есть выражения *Yamanıñ bosağası demirden demişler* – У плохого человека и порог из железа, что может означать насколько тяжело идти к нехорошему человеку домой; *töşeginiñ içine köt üstüne gelir* – главный тот, кто в постели (больной) (букв. задница того, кто в постели, побеждает) – т.е., каким бы человек не был, когда он болен, его желания должны исполняться. Сказка «*Ayda bir evlenenıñ masalı* (сказка о человеке, который женился раз в месяц)» [15, с. 350-351] всем своим содержанием поясняет, как должен вести свою жизнь молодой человек в отношении трудолюбия в работе, скромности в еде и сдержанности в чувствах. В заключении сказки «*Помешай налево, помешай направо*» [5, с. 346-347] есть строки «*Украденное вору счастья не принесет*», а сказка «чудесная монетка» также заканчивается моральным напоминанием: «*Что нечестным путем к тебе придет, счастья ни тебе, ни детям не принесет*». Описывая невероятную жадность главного героя, в сказке «*Ач-к□з* (жадный) присутствуют такие выражения: «*Он и от мертвой курицы яйца хочет получить*», «*Деньги полюбишь, совесть потеряешь*», «*Нет ничего дороже родной земли, все земли – глина, родная земля – золото*» [5, с. 352].

В повествованиях бытовых сказок можно также найти отражение традиций и семейных отношений. Как мы уже указывали, в сказочных образцах достаточно важное место занимает фигура женщины. Она может быть и мудрым помощником мужа (сказки «Об умной женщине», «О богатом юноше и бедной девушке»), но также и подлым врагом («О подлой женщине»). Повествование сказок подчеркивает насколько важно было для женщины мнение о ней ее мужа («Об умной женщине», «О подлой женщине»). В этих же сказках мы видим, что когда возникают проблемы в семейной жизни, в защиту женщины вступает ее отец, отцовский дом также является тем местом, куда женщину отправляет подозревающий в измене муж. Не случайно упоминается лишь фигура отца, о матери нет ни слова. Отец в караимских семьях, впрочем, как и в крымскотатарских был всегда главой семьи, пользовался непререкаемым авторитетом и беспрекословным подчинением домочадцев. При его появлении, было принято вставать, обращаться на Вы и целовать руку. С тем же почтением относились ко всем старикам [5, с. 114]. Подтверждения такого традиционного уважения к старшим мы видим практически во всех бытовых сказках, включая волшебные – все мотивы, связанные с исполнением воли старших.

Женщина же находилась в подчиненном положении. Была ограничена в общении с посторонними мужчинами. До замужества главную роль в ее жизни играл отец, после замужества – муж. Решение о

⁴Саз – струнный музыкальный инструмент, которым тюркоязычные поэты-ашики сопровождали свои выступления [3, с. 80].

свадьбе двух молодых людей также принималось отцами. Таким образом, можно объяснить почему женщина, переживая проблемы в собственном доме, не видя выхода, возвращается к отцу.

Что касается традиций – достаточно яркими и наиболее запоминаемыми выглядят обряды, связанные со свадьбой. В дестане об АшикКарипе в заключительной части главный герой, предложил Шаху Левенту взять в жену свою сестру. Гюллю Хан тот час отправили в баню, одели, завязали пояс и приготовили к помолвке.

Банная церемония – одна из ярких составляющих традиционной караимской свадьбы. После того, как были объявлены договоренности о свадьбе, произведен обмен подарками и пошиты свадебные наряды, невеста вместе со своими подругами и женщинами из общины под аккомпанемент грустной музыки и песен отправлялась в баню. После купания волосы и ногти невесты красили хной, заплетали волосы в косички и завивали их особым образом в локоны – зилиф. Жених также огромной процессией со своими знакомыми и музыкантами верхом на лошадях обязан был проследовать в баню, где после мытья жениху брили голову [13, с. 60-63].

Завязывание на невесте пояса – обычай достаточно известный среди крымских татар, турок, греков и других народов. В обряде венчания у славянских народов пояс выступал в роли оберега от дурных помыслов и символизировал вступление молодых в новый социальный статус [10].

Похожее значение повязывание пояса имеет и у тюркских и кавказских народов. Показательно, что пояс повязывали на невесту обычно ее отец или брат. Данный обычай продолжает соблюдаться и в наши дни на свадьбах. В древности имел несколько значений; те или иные смыслы придаются обряду в зависимости от региона. В Средней Азии отец повязывает красный пояс невесте, который называется «пояс усердия», чтобы невеста в доме своего мужа не леняйничала и трудилась, не избегая работы. В Азербайджане, Турции красный пояс означает чистоту и непорочность невесты [16].

Помимо семейных отношений в сказках присутствуют и некоторые мотивы, касающиеся религиозной жизни. Во всех сказках встречаются слова и выражения, в которых упоминается Аллах. Такое обращение к Богу принято у мусульман, но известно, что крымские караимы исповедовали караизм или караимизм. Важно отметить, что имя Аллах (Алла) встречается не только в сказочных повествованиях, а также в многочисленных караимских пословицах. Одним из самых архаичных имен Бога, использовавшихся у крымских караимов, было, восходящее к древнетюркским традициям, имя Тенри (Тенгри). Как отмечает А.И.Полканов, термин «Алла» – есть проявление исламского влияния на формирование религиозного сознания крымских караимов. По сравнению с обращением к Всевышнему «Тенгри», «Алла» более позднего характера [13, с. 89]. «Для крымских караимов характерно употребление многих религиозных и культовых терминов в отношении атрибутов божества, веры, святыни т.п. из древнеарабского языка, имеющих у мусульман значение священных терминов. Например: «дин» - вера, религия, «шариат» - закон, право Божие, «джаммаат» - собрание общины (религиозной) ...» [13, с. 84].

Такие заимствования из исламской культуры - результат длительного компактного проживания в Крыму крымских караимов в мирном соседстве с мусульманами - крымскими татарами, а также другими народами, представителями данной конфессии, населяющими либо приезжающими на территорию крымского полуострова.

На базе межэтнических связей в традициях контактирующих культур, в том числе и в повествовательной традиции, происходит обмен художественными ценностями, формируются общие эстетические принципы. Иной раз очень трудно и даже невозможно определить принадлежность, происхождение того или иного элемента сказки.

Таким образом, народная сказка крымских караимов является преемницей тюркских эпических традиций, и представляет собой синтез общетюркской и национальной караимской культуры, проявляющейся в поздних трансформированных элементах сказки.

Источники и литература:

1. Брауде Л. К. К истории понятия “литературная сказка”/ Л. К. Брауде // Изв. АН СССР. Серия : Лит. и яз. – 1977. – Т. 36. – № 3. – С. 227-234.
2. Будник Н. В. Содержание и жанровый состав меджума крымских караимов / Н. В. Будник // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 173. – С. 147-151.
3. Грезы розового сада (из средневековой крымскотатарской классической поэзии) / пер. С. Дружинин; сост., предисл. и коммент. Н. Абдульваап. – Симферополь : СОНАТ, 1999. – 88 с.
4. Заскока В. М. Караимы Евпатории: история, культура, архитектура. Краткий очерк / В. М. Заскока, В. С. Кропотов. – Симферополь : ДОЛЯ, 2009. – 216 с.
5. Караимская народная энциклопедия / М. С. Сарач, М. М. Казас и др. – Париж, 1996. – Т. 2. – 169 с.
6. Караимская народная энциклопедия / М. С. Сарач, М. М. Казас и др. – М., 1997. – Т. 3. – 369 с.
7. Караимская народная энциклопедия / М. С. Сарач, М. М. Казас и др. – М., 2000. – Т. 6 (1). – 268 с.
8. Кропотов В. С. Военные традиции крымских караимов / В. С. Кропотов. – Симферополь : ДОЛЯ, 2004. – 148 с.
9. Крымскотатарская литература : сб. произведений фольклора и литературы VIII-XX вв. / сост. Л. С. Юнусова. – Симферополь : ДОЛЯ, 2002. – 343 с.
10. Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX веков : [Электронный ресурс] / А. А. Лебедева. – Режим доступа :

<http://veromed.in4post.ru/gogol.ru/enciklopediya-russkoi-kultury/folklor/a-a-lebedeva-znachenie-poyasa-i-polotenca-v-russkih-semeino-bytovyh-obyчайah-i-obryadah-xix-xx-vekov>

11. Мусаев К. М. Заметки о языке крымских караимов / К. М. Мусаев // Вопросы диалектологии тюркских языков. – 1966. – Т. 4. – С. 96-100.
12. Библиотека, печатные издания : [Электронный ресурс] // Всеукраинская ассоциация крымских караимов «Къырымкъарайлар» : официальный сайт. – Режим доступа : <http://karai.crimea.ua/karai/literatura>
13. Полканов А. И. Крымские караимы (караи-коренной малочисленный народ Крыма) / А. И. Полканов. – Париж, 1995. – 245 с.
14. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2005. – 332 с.
15. Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен / сост. В. Радлов. – СПб. : Изд-во Акад. Наук, 1889. – Ч. 7 : Наречия крымского полуострова. – 410 + 527 с.
16. Sibel Turhan Tuna. Türk Dünyasındaki Düğünlerde Koltuklama ve Kırmızı Kuşak Bağlama Geleneği / Sibel Turhan Tuna // Bilig.-Summer. – 2006. – № 38. – S. 149-160.
17. Tülay Çulha. Kırım Karaycasının Katkı Mecuması. Metin-Sözlük-Dizin / Ç. Tülay. – İstanbul : Pandora, 2010. – 660 s.